

Немирович-Данченко Василий Иванович

Очерки Испании

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Очерки Испании / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 548 с.

ISBN 978-5-519-99187-2

ISBN 978-5-519-99187-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сигары, завернувшись въ калы *) и, повиديمому, вполне довольные и голубою далью, и тихимъ моремъ, и тихимъ поѣздомъ.

Деревни направо становятся все чаще и чаще. Скоро онѣ сливаются такъ, что подъ Барселоной нашъ поѣздъ идетъ уже по какой-то безконечной улицѣ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, домовъ, въ промежуткахъ между которыми на одно мгновеніе улыбается намъ лазурное море.

— На два часа опоздали! — съ отчаяніемъ восклицаетъ французъ. — Лучше было бы ѣхать на пароходъ и посмотрите вы, — съ досадою киваетъ онъ на каталонцевъ, — имъ, вѣдь, все равно.

— Куда же торопиться — такой славный день, такія чудесныя мѣста!

— Какъ куда? А расписаніе зачѣмъ? О, какая это страна! Вы увидите еще, вы сами поймете мое негодованіе!

Но на этотъ разъ я былъ вполне на сторонѣ каталонцевъ, такъ что, когда мимо красиво вдвинувшейся въ море стройной Барселонетты, поѣздъ нашъ подошелъ къ самой Барселонѣ и, тихо миновавъ ея новыя аллеи вмѣсто улицъ, остановился у платформы, мнѣ жаль стало, что эта очаровательная дорога такъ скоро кончилась!

*) Капа — плащъ особаго покрою съ цвѣтною подкладкою по краямъ.

— Buenos días! — раскланивались съ нами спутники, приподнимая шляпы.

Цѣлая толпа черномазыхъ бандитовъ нѣсколько секундъ дралась за высокую честь нести мой чемоданъ, доставшійся, въ концѣ концовъ, такому усатому разбойнику, какихъ доселѣ я видѣлъ только въ каррикатурахъ французскихъ журналовъ изъ временъ карлистскаго возстанія. Была середина декабря, а уже оказывалось жарко въ легкомъ плащѣ. Не успѣлъ я еще снять его, какъ онъ очутился мигомъ въ рукахъ у другаго усатаго малаго, который тотчасъ же съ необыкновенно дѣловымъ видомъ понесъ его передо мною. Третій потянулъ было изъ рукъ у меня палку и оставилъ только послѣ энергическаго протеста съ моей стороны. Вся эта орава сѣла на козлы занятой мною кареты, уцѣпилась за ея подножки, и такъ облѣпленный бандитами со всѣхъ сторонъ, какъ сахаръ мухами, экипажъ покатилъ по средне-вѣковымъ улицамъ стараго города съ величавыми соборами, съ домами, точно прятавшимися за громадные мраморные щиты, на которыхъ еще красовались великолѣпные гербы давно угасшихъ фамилій. Мимоходомъ выдвигались и снова прятались четырехугольныя высокія башни съ окномъ на верху, ветхія стѣны кацеллъ, покрытыхъ барельефами, какъ чешуей, раскидывались тихія и мрачныя площади меланхолическими фонтанами, съ утра до ночи и ночью рассказывавшими такимъ же, какъ и

они, старымъ домамъ свои цѣлымъ міромъ уже позабытыя легенды *). Улицы все сѣуживались. Мнѣ казалось, вотъ-вотъ карета завязнетъ въ какой-нибудь щели, какъ вдругъ передо мною мелькнуло голубое, полувоздушное, заставленное сотнями пестрыхъ судовъ море. Мы повернули на набережную, гдѣ стройными рядами поднимались могуче принявшіяся пальмы. Мимо берега тихо скользили пароходы, испанскія суда съ желтыми и красными парусами, чрезвычайно красивыя яхты, ярко расписанныя, какъ будто подстать этому небу и морю. Еще минута—и карета въѣхала на Рамблу—роскошную, чудными аллеями покрытую, главную улицу Барселонны, единственную въ мірѣ, по крайней мѣрѣ ни до, ни послѣ того я ничего лучшаго не видалъ нигдѣ.

— Рамбла!—Повернулся ко мнѣ съ возель одинъ изъ разбойниковъ, крича точно я былъ глухъ отъ рожденія.

— Не забудете, сеньоръ, что я тоже сказалъ—Рамбла! выскочилъ откуда-то, невѣдомо какъ прицѣпившійся къ каретѣ бандитъ, еще не виданный мною, съ оцѣтинившимися баками и взглядомъ трагическаго злодѣя.

Наконецъ, мы благополучно доѣхали до „Fon-da da las Quatro Naciones“...

*) Барселона состоитъ изъ двухъ противоположностей—старого средневѣковаго города и новаго, не уступающаго лучшимъ кварталамъ Парижа.

Мухи освободили сахаръ, но зато облѣпили меня ото всюду.

— За переноску чемодана до кареты и отсюда вверхъ къ вамъ въ номера—четыре песеты*)!...—диктовалъ одинъ свои условія мнѣ, какъ побѣжденному врагу, сурово и безапелляціонно.

— За что столько?—изумился я.

Хозяинъ отеля спокойно стоялъ въ дверяхъ, заложа руки за спину и любясь этою сценой.

— Шестнадцать реаловъ, это для вашей милости (uste) только, слѣдовало бы больше.

Спрашиваю у отельной прислуги—слѣдуетъ заплатить.

Плачу...

— Мнѣ двѣ песеты!... Я несъ ваше пальто. Вотъ оно!—потрясаетъ онъ имъ надо мною точно флагомъ.

— Да, онъ несъ ваше пальто,—накидываются на меня другіе.

Плачу и этому.

— Мнѣ — одну. Только одну, — забѣгаетъ со стороны третій съ такимъ видомъ, точно ему некогда и онъ сейчасъ долженъ устремиться далѣе по самому неотложному дѣлу.

— За что? Вамъ-то за что? Начинаю уже и я выходить изъ себя.

— Я хотѣлъ нести вашу палку эге! Не моя вина, кажется, если вы мнѣ ея не дали. И онъ

*) Peseta—франку—четыремъ реаламъ.

побѣдоносно оглядывается на всѣхъ, съ него-
годующимъ видомъ оскорбленной невинности.

— Онъ хотѣлъ точно! — подтверждаютъ и
другіе. Не его вина!... Вы, вѣдь, сами ему не
дали нести.

— Мнѣ тоже. Я первый сказалъ — «вотъ
Рамбла?».

— Я сказалъ тоже — вотъ Рамбла!... — И
ото всюду набѣгаютъ еще новые и новые пре-
тенденты на мой кошелекъ.

— *Por amor de Dios!*... — втискивается между
нами какой-то нищій, показывая мнѣ на рукѣ
громадную язву и пристально вглядываясь въ
меня слезящимися, гнойными глазами. — *Por
amor de Dios, senor!*

Я вбѣгаю къ себѣ въ комнату, но «желавшіе
нести мою палку» и сказавшіе «вотъ Рамбла»
слѣдуютъ за мною. Отбиваюсь отъ нихъ всѣми
мѣрами, — осада ведется по всѣмъ правиламъ
искусства. Зову хозяина. Хозяинъ увѣряетъ
меня: «Чего же вы хотите, — пародъ бѣдный.
Хочетъ что-нибудь заработать. Онъ, дѣйстви-
тельно, хотѣлъ нести вашу палку и потерялъ
время. Вы же сами ему не дали. А этимъ бросьте
по реалу — и чертъ съ ними. Стоитъ-ли такому
сеньору спорить изъ-за пустяковъ!... Иностран-
цы всегда платятъ. Это ужъ такъ заведено у
насъ». И онъ закуриваетъ сигару, скептически
оглядывая мой довольно-таки потасканный че-
моданъ.

Плачу!... Враги отступаютъ внизъ, ворча и ругаясь съ хозяиномъ.

— Зачѣмъ ты ему сказалъ по реалу? Мы бы заставили его заплатить по песетѣ.

— Будьте довольны и этимъ!

— Мы, кажется, не нищіе... Не даромъ просимъ. Требуемъ то, что заработано нами... Приѣхалъ къ намъ, такъ плати. Я вотъ за его каретой съ самой станціи бѣжалъ! Что жъ это по твоему, пустякъ? Попробуй-ка ты!

Lo que ha de ser no puede faltar! (Чему быть, того не миновать, утѣшалъ себя хозяинъ).

На первыхъ порахъ, и особенно въ такой прекрасной странѣ, всѣ эти мелочи не особенно раздражаютъ путешественника. Напротивъ, смѣешься, мириться съ ними. Особенно, когда при этомъ въ окно къ вамъ въ декабрѣ смотритъ также дивное небо и улица привѣтствуетъ васъ тысячами радостныхъ, полныхъ жизни голосовъ, шелестомъ зелени и колыханьемъ густистыхъ платановъ.

На этотъ разъ я торопился въ Мадридъ. Я хотѣлъ провести лѣто въ Каталоніи и первымъ дѣломъ справиться, когда идетъ прямой поѣздъ въ Испанскую столицу. Моему удивленію не было конца, когда мнѣ объявили, что надо ждать двое сутокъ. Почему? Поѣздъ ушелъ сегодня! А завтра? Ни завтра, ни послѣзавтра поѣзда нѣтъ. Есть товарные и простые, которые движутся, какъ и когда имъ угодно. «Съ ними вы проѣдете двое съ половиною сутокъ и

проклянете жизнь!». Оказалось, что «прямые» отъ Барселоны до Мадрида ходятъ только два раза въ недѣлю — по вторникамъ и по пятницамъ. Весь путь эти «курьерскіе» совершаютъ въ двадцать шесть часовъ, — гораздо тише даже славящихся своей медленностью русскихъ. Потомъ уже я убѣдился, что мой спутникъ, такъ горько жаловавшійся на испанскіе желѣзнодорожные безпорядки, былъ болѣе чѣмъ правъ. Здѣшніе поѣзда «молніи» совершаютъ пятнадцать верстъ въ часъ, не больше, а обыкновенные — сколько начальству Богъ на душу положитъ. Мнѣ пришлось поневолѣ остаться въ Барселонѣ и ждать подлинно у моря погоды!... Когда я, наконецъ, сѣлъ въ вагонъ и двинулся, мнѣ казалось, что путь уже почти оконченъ. Прелести «прямого поѣзда» сейчасъ же дали себѣ знать. Испанцы, какъ извѣстно, родятся съ сигарами въ зубахъ, что не удивляетъ даже акушеровъ. Я не имѣю счастья принадлежать къ курильщикамъ. Спрашиваю, гдѣ отдѣленіе для некурящихъ; оказывается — такого нѣтъ вовсе. Мрачные незнакомцы, сидѣвшіе вмѣстѣ со мною, вѣроятно, хотѣли перещеголять паровикъ, пуская клубы удушливаго дыма. Я задыхался, терпѣлъ и, наконецъ, открылъ окно. Одинъ изъ гордыхъ гидальго объяснилъ мнѣ что-то по-испански и затворилъ его опять. Я къ кондуктору; тотъ, очевидно, одобрилъ моего сосѣда, такъ что мнѣ оставалось только покориться своей участи. На третьей станціи тотъ

же кондукторъ объявилъ, что оказалось возможнымъ уменьшить число вагоновъ и онъ предоставляет намъ искать мѣста въ тѣхъ, что впереди. Выскакиваемъ и бѣжимъ туда. Какая-то барыня мечется, какъ угорѣлая, потому что у нея разумѣется масса узловъ, а переносить ихъ некому—станція маленькая. Всѣ стремятся мимо нея, и, оглядываясь, я вижу, что она въ полномъ отчаяніи садится на свою кладь, какъ Марій на развалины Карфагена. Но отыскать мѣсто въ указанныхъ мнѣ вагонахъ оказалось очень трудно. Они полнымъ-полны. Обращаюсь къ начальству. Начальство входитъ въ одно отдѣленіе и, приподымая вѣжливо шанку, вдвигается между двумя дюжими арагонцами. Вытѣснивъ такимъ образомъ необходимое пространство, онъ сажаетъ меня и благополучно удаляется. Я тотчасъ же убѣждаюсь, что локти у арагонцевъ устроены точно такъ же, какъ и у москвичей, и пускаю въ ходъ свои. Молодцы въ бархатныхъ курткахъ, очевидно, приходятъ къ заключенію, что на этомъ поприщѣ я нисколько не слабѣе ихъ и меланхолически закуриваютъ какіе-то обрубки, которые потомъ мы называли «*morto del мухось*». Скоро мы стали друзьями самыми откровенными, особенно послѣ того, какъ тотъ же кондукторъ ввелъ и водрузилъ между нами патера, отъ котораго испово пахло іодомъ и камфорою. Тутъ уже мы вступили въ союзъ противъ святаго отца и дѣйствовали столь успѣшно, что на слѣдующей

станціи онъ искалъ спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ. Каталонскій манчестеръ-Сабадель съ его полутораста фабриками, Тарасса съ знаменитыми сукновальнями мелькають мимо. Я видѣлъ ихъ въ послѣдствіи, а теперь не могъ даже и разглядѣть, такъ какъ поѣздъ то и дѣло исчезалъ въ тунеляхъ и, выбѣгая изъ нихъ на минуту, опять прятался въ горныя тѣснины и щели. За Манрезую началась бѣдная и пустынная страна, но я ея не замѣтилъ: быстро наступившіе сумерки все окутали таинственнымъ полумракомъ, изъ котораго прорѣзывались только огоньки далекихъ городковъ Сервера, Таррега и Ноппы. Когда взошла луна и облила окрестности своимъ серебрянымъ, мечтательнымъ свѣтомъ, мы очутились среди изумительно дикой мѣстности. Скалы громоздились одна на другія, тянулись вверхъ острыми шпиками и, не осиливъ высоты, падали внизъ тяжелыми обломками. Какіе-то чудовищные хребты мрачнаго гранита прорѣзывали землю и торчали точно позвонки и ребра сказочныхъ животныхъ. Ущелья ложились зловѣщими трещинами; цѣлыя каменные горы расщеливались точно отъ мощнаго удара, упавшаго на нихъ съ поднебесья. Часто будто гигантскія лѣстницы подымались направо и налево. Воображеніе невольно рисовало великановъ, которые всходятъ по нимъ въ высь къ тѣмъ дикимъ пьедесталамъ, на которыхъ точно колоссальныя каменные статуи, завернувшіяся въ сѣрые плащи, стоятъ недвиж-

ные силуэты утесовъ. Черныя пасти гротовъ подстерегаютъ насъ по сторонамъ — какой-то первозданный хаосъ раскидывается всюду, куда только хватается наше зрѣніе. А вдали весь подъ луннымъ свѣтомъ высится отдѣльно стоящій легендарный Монсерать.

При видѣ его изъ вагоновъ послышалась какая-то хоровая пѣсня, звучная и смѣлая, простая какъ эти каменные вершины. Въ нашемъ отдѣленіи двое каталонскихъ студентовъ, ѣхавшихъ домой на праздники, начали подпѣвать ее.

— Что это? спросилъ я у него.

— Нашъ гимнъ, вы его не слышали?

— Нѣтъ.

Одинъ изъ юношей обязательно написалъ мнѣ его и, впослѣдствіи, уже въ Мадридѣ, я перевелъ его стихами. Вотъ она, эта дышащая энергіей и величіемъ каталонская марсельёза:

Въ мракѣ темницы льется свѣтъ,

Къ чорту, ржавые затворы!

Чуя день, запѣлъ поэтъ,

И ему гремятъ въ отвѣтъ

Крикомъ стай орлиныхъ горы!

Чу! Звинитъ уже булатъ,—

Веселѣй на сердцѣ стало.

Просыпайся спящій братъ!—

Гнѣздъ орлиныхъ монсерратъ

На скалахъ твоихъ не мало.

Дрогнулъ врагъ, смутясь душой,

На твои глядитъ вершины...

Блещутъ молніи. Грозой

Каталоніи родной